

Н. ЭЛИАС О СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ УСТАНОВКАХ ФРАНЦУЗСКОЙ АРИСТОКРАТИИ В ЭПОХУ АБСОЛЮТИЗМА

О. Н. Терехова

N. ELIAS ON SOCIOCULTURAL ATTITUDES OF THE FRENCH ARISTOCRACY OF THE ABSOLUTE MONARCHY PERIOD

O. N. Terekhova

В статье рассматриваются взгляды немецкого историка и социолога Н. Элиаса (1897 – 1990) на французскую аристократию в эпоху абсолютной монархии. Автор выделяет социокультурные установки и поведенческие особенности французской аристократии, выявляет причины их эволюции в XVII – XVIII в трактовке Н. Элиаса.

The paper discusses the views of German historian and sociologist N. Elias (1897 – 1990) on the French aristocracy of the absolute monarchy period. The author identifies sociocultural attitudes and behavioural features of the French aristocracy and reveals the reasons of their evolution in the 17th -18th centuries as interpreted by N. Elias.

Ключевые слова: Н. Элиас, абсолютизм, французская аристократия, социокультурные установки и поведенческие особенности французской аристократии.

Keywords: N. Elias, absolutism, French aristocracy, sociocultural attitudes and behavioural features of the French aristocracy.

Время абсолютной монархии во Франции стало переходной эпохой, для которой было характерно сочетание элементов прошлого и будущего. В течение XVI – XVIII вв. изменяются экономические, социальные, политические и духовные основы государства и общества. Особое значение приобрела эволюция менталитета человека и повседневной жизни. Французское общество переживает смену общественного уклада, в нем наблюдается наслоение разных систем ценностей, отсутствие единых представлений об основных этико-нравственных категориях.

Анализ социокультурных установок, поведенческих особенностей и повседневной жизни французской аристократии эпохи абсолютизма еще в 30-х гг. XX в. предпринял немецкий социолог, один из ведущих представителей исторической социологии и интеграционного подхода в социологии Норберт Элиас (1897 – 1990 гг.). С 1930 г. Н. Элиас три года работал над темой, посвященной социологии придворного общества эпохи абсолютизма. Однако приход к власти в Германии национал-социалистов вынудил Н. Элиаса оставить работу над этой книгой, которую он задумывал как докторскую диссертацию, и в 1935 г. эмигрировать в Лондон. Ему пришлось столкнуться с непониманием его идей, за время работы в Великобритании ни одна из его книг не была переведена на английский язык. Это было связано не только с новаторскими идеями Н. Элиаса, но и с общим угасанием интереса к методам социологического исследования истории. Ситуация стала меняться только в 60-х гг. XX в. Труды, написанные им еще в 30-е гг., стали приобретать популярность в Германии и Голландии. Работа под названием «Придворное общество» была опубликована в 1969 г., а ее перевод на русский язык был осуществлен и издан в 2002 г. [1].

Теоретико-методологические взгляды Н. Элиаса и его историческая социология формировались в эпоху кризиса классического историзма. Он был убежден в том, что время событийной истории и традиционной

политической истории прошло. Н. Элиас считал, что «...мы получим не только неполную, но и искаженную картину истории, если ограничимся тем, что истоки блеска эпохи Людовика XIV или – тем более – происхождение королевского двора и корни политики французского государства станем искать в неповторимой индивидуальности отдельных лиц» [1, с. 37].

Полемизируя с современной ему исторической наукой, Н. Элиас воспринял идею слитности развития общества и развития личности. Концепция Н. Элиаса стала продолжением идей выдающихся немецких социологов начала XX в. М. Вебера (1864 – 1920 гг.) и В. Зомбарта (1863 – 1941 гг.), на которых в своей книге он часто ссылается и приводит их цитаты.

Историко-социологическая концепция Н. Элиаса строится на понятии фигураций, которое он же и ввел в научный оборот [2]. Под фигурациями, он понимает, социальные процессы и социальные связи, в которых люди тесно взаимодействуют друг с другом. Н. Элиас считает, что фигурации понятие не статичное, а динамичное. Фигурации постоянно изменяются и имеют свой неповторимый облик как на макроуровне, так и на микроуровне. Задача исторической социологии, по мнению Н. Элиаса, заключается в изучении причин складывания и механизма трансформации той или иной фигурации [1, с. 38 – 41].

Предметом изучения в труде «Придворное общество» стали королевский двор и придворная аристократия, согласно Н. Элиасу, одна из центральных фигураций эпохи европейского абсолютизма. Ее идеально-типической моделью для Н. Элиаса выступает французский двор, и прежде всего эпохи Людовика XIV (1643 – 1715 гг.). В своем исследовании Н. Элиас опирался на знаменитые мемуары герцога Луи де Сен-Симона (1675 – 1755 гг.), ставшие своеобразной энциклопедией жизни аристократии и анатомией придворного общества времен Людовика XIV.

Это неслучайно, как общеизвестно, двор Людовика XIV являлся образцом для всей Европы, был свое-

образной моделью обязательной для подражания. Британско-американский историк и социолог Перри Андерсон отмечал, что французский абсолютизм «достиг своего институционального апофеоза в последние десятилетия XVII в. Структура государства и культура гармоничного правления, достигшая совершенства в правление Людовика XIV, стала моделью для остальной аристократии Европы: Испания, Португалия, Пьемонт и Пруссия были только наиболее очевидными примерами его влияния» [3, с. 96].

Н. Элиас, анализируя поведение и социальные связи аристократии, исходит из убеждения, что «даже человек, облеченный такой полнотой власти, как Людовик XIV, не был свободен в каком-либо абсолютном смысле слова» [1, с. 44] и его поведение было обусловлено статусным положением в обществе и государстве.

Эпоха абсолютной монархии во Франции стала, с одной стороны, временем роскоши, демонстрируемой королем и придворной аристократией, а с другой стороны, временем безудержных трат и разорений.

Одной из важнейших социально-поведенческих установок аристократии стало ее отношение к роскоши. Н. Элиас, опираясь на идеи М. Вебера, определял понимание аристократом «роскоши» не как излишества, а как «одно из средств его социального самоутверждения» [1, с. 53].

Визуально такое понимание получает реализацию в обустройстве домов и поведении аристократии. Примером в этом вопросе выступала сама королевская власть. Франциск I (1515 – 1547 гг.) занялся расширением, перестройкой и строительством королевских замков по всей стране. Важными политическими центрами в дальнейшем станут замки Луары – Шамбор, Шинон, Шенонсо, Фонтенбло, Лувр. Символом роскоши и визуальным олицетворением французского абсолютизма стал Версаль. Строения и парк Версаля были образцом для парадных загородных резиденций европейских монархов и аристократии, и многие дворцы Европы были построены по его мотивам: замок Сан-Суси в Потсдаме, Шёнбрунн в Вене, Большие дворцы в Петергофе и Гатчине, а также другие дворцы на территории Германии, Австрии и Италии.

В третьей главе «Придворного общества» Н. Элиас, начиная с Версаля, представляет детальный анализ устройства и функционирования аристократических домов [1, с. 56 – 85]. Н. Элиас подчеркивает огромные размеры домов аристократии, их великолепное и дорогое убранство, многочисленный штат прислуги, обязательные приемы и визиты.

По мнению Н. Элиаса практические характеристики устройства дома аристократа отходят на второй план по сравнению с функциями представительства и престижа. По Н. Элиасу, потребительские ценности, такие как удобство и прочность становятся главными для слоев занятых профессиональной деятельностью, а для аристократии определяющими были соображения престижа, демонстрация того, к какому слою принадлежит хозяин дома [1, с. 74]. Н. Элиас пишет, что проще говоря, «герцог должен строить свой дом так, чтобы этот дом выражал: я герцог, а не какой-нибудь граф» [1, с. 82].

Результат такого социального поведения Н. Элиас выражает словами герцога де Круа, который сказал, что «большую часть знатных семей разорили дома» [1, с. 70]. Н. Элиас объясняя этот феномен отмечает, «то, что люди разоряются через свой дом и ради своего дома, – этого невозможно понять, пока мы не постигнем одновременно, что в этом дворянском обществе величина и пышность дома являются выражением, прежде всего, не богатства, а ранга и сословия. Внешний вид каменного дома в пространстве есть для знатного вельможи и для всего придворного общества символ положения, значения, ранга его «дома» во времени» [1, с. 130].

В аристократической среде складывается парадоксальная ситуация. Согласно Н. Элиасу придворная знать соизмеряла свои расходы «с рангом и диктуемой обществом обязанностью представлять свой ранг, а доходы – нет» [1, с. 83].

Н. Элиас замечает, что подобное отношение аристократии к роскоши в эпоху абсолютизма трансформируется и еще более усиливается в XVIII в. Причины этому явлению Н. Элиас видит в тех изменениях, которые претерпело французское общество. Н. Элиас отмечает, что у аристократии появились более сильные соперники и ей «приходится конкурировать с восходящими буржуазными слоями – прежде всего с финансистами – в манере поведения и образе жизни» [1, с. 82].

То же самое относится и ко всей манере поведения аристократии. Аристократ, утверждает Н. Элиас, «не может потерпеть, чтобы другой вел себя более погерцогски, чем он сам. Он должен следить за тем, чтобы в официальном обиходе за ним оставалось первенство перед графом» [1, с. 82].

Характеризуя смысловую функцию этикета при королевском дворе, Н. Элиас пишет о том, что «этикет не нуждается ни в каком обосновании соображения пользы» [1, с. 70]. В этикете придворное общество представляло себя для самого себя. Таким образом, главная функция этикета заключалась в репрезентации дворянством своего положения при королевском дворе и близость к королю. Н. Элиас отмечает, что, несмотря на изначально высокий социальный статус представителей придворного общества, обусловленный их социально-экономическим и политическим положением, жизнь в придворном обществе не была мирной. В нем постоянно шла борьба за престиж, за место в придворной иерархии.

Н. Элиас подчеркивает различие между социокультурными установками дворянства и буржуазии относительно понимания этикета, и главное, его повседневного выполнения. Он отмечал, что поведение буржуа определялось, прежде всего, необходимостью профессиональной деятельности, которая требовала более или менее упорядоченного труда и высокой степени рутинизации аффектов [1, с. 143]. Люди так называемого «хорошего общества» времен *ancien regime* (фр. старый режим) не работали, не рационально вели свое домохозяйство, а празднично проводили время, что было обусловлено, согласно этикету, «важными требованиями социального общения» [1, с. 143].

На вершине всего этого царства праздной и красивой жизни находился король, с единственной раз-

ницей – король не мог социокультурно слиться со своими придворными. «Король как повелитель дворянства одновременно дистанцировался от него и как дворянин принадлежал к нему», – резюмирует Н. Элиас [1, с. 146]. «Этикет для короля – инструмент не только дистанцирования, но и господства» [1, с. 147], ибо он, согласно Н. Элиасу, считал свою персону и свое существование смыслом и целью государства, а «двор был только одним фрагментом обширной сферы господства короля» [1, с. 148].

Одной из важных социокультурных категорий придворного общества и аристократии является, по мнению Н. Элиаса, представление о «браке» и «семье». Позволим себе привести обширную цитату из Н. Элиаса, в которой он на примере функционального строения домохозяйства аристократии описывает сущность функционального строения брака представителей придворного общества. «Как мы видели, в каждом из флигелей дома, по соседству с теми их частями, которые выходят на «нижние дворы», имеется по одному «частному апартаменту»: один – это покой хозяина, другой – хозяйки дома. Первый помещается на левой, второй – на правой стороне большого двора. Оба апартамента устроены почти совершенно одинаково; спальни расположены ровно напротив друг друга. Но их разделяет целый широкий двор. И обитатели их даже в окна не видят друг друга, ибо окна обоих апартаментов обращены назад [...]. У хозяина и у хозяйки рядом с их спальнями имеется по собственному кабинету, в котором они могут принимать посетителей во время или после туалета; у обоих с этим кабинетом соседствует собственная передняя, и, разумеется, у обоих есть своя собственная гардеробная» [1, с. 65].

Как далее пишет Н. Элиас, ничто так не характеризует отношения между мужчиной и женщиной, понимание брака и семьи в аристократическом обществе, как вышеприведенное описание устройства супружеского домохозяйства. «Этот требуемый обществом минимум контактов задает в определенных точках границы для самостоятельной жизни обоих супругов» [1, с. 66]. Долг перед обществом и поддержание элементарной репутации и «чести» дома – единственное, что связывает супругов.

В этой связи Н. Элиас противопоставляет понимание семьи и брака аристократией и буржуазией в эпоху абсолютизма. Если для буржуазии, общественно легитимированные отношения между мужчиной и женщиной выражались в институте понятия «семья», то для аристократии – в понятии «дома» [1, с. 66]. Аристократический брак, согласно Н. Элиасу, не был нацелен на создание семейной жизни в буквальном смысле этого слова. «Цель брака – увеличение или по крайней мере закрепление ранга и авторитета вступающих в брак особ как представителей своего дома. В этом свете и нужно понимать отношения между хозяином и хозяйкой дома, между знатным придворным дворянином и его женой» [1, с. 67]. Придворному обществу не интересна частная жизнь супругов, оно контролирует, прежде всего, отношения между мужем и женой как представителями своего дома в высшем обществе, все остальные нюансы семейной жизни придворному обществу безразличны.

Главное для Н. Элиаса выявить причины трансформации социокультурных установок в аристократической среде в эпоху абсолютной монархии. Н. Элиас понимает, что стремление к роскоши, этикет и стремление сохранить и подчеркнуть привилегированное положение было свойственно королевскому двору и приближенным монарха и в Средневековье, но не нашло абсолютного воплощения, определив их поведение.

Объяснение этому явлению Н. Элиас видит в трансформации французского общества и государства, в результате которой меняется и положение аристократии.

Политическое объединение Франции осуществляется со второй половины XV в. В 1477 г. королевская власть подчинила Пикардию и западную часть Бургундии, в 1481 г. – Прованс с крупным центром средиземноморской торговли – Марселем, базой впоследствии торгового и военного флота, в 1491 г. – Бретань. Несмотря на то, что к концу XV в. процесс объединения в общих чертах был завершен, но территория французских земель не была окончательно унифицирована, и разные земли имели различный статус и степень подчинения королевской власти. В XVI – XVII вв. королевская власть ведет планомерное наступление на политические права аристократии. Нормандия, Гиень, Бургундия, Прованс и другие в нарушение первоначально пожалованных им хартий постепенно теряют свои традиционные права, подчиняясь королевской власти. Удельные земли – апанажи – даются принцам крови на условиях, обеспечивающих контроль королевских учреждений над их автономной администрацией, сеньорам запрещалось чеканить монету, иметь свое войско, вести частные войны и собирать налоги.

Н. Элиас пишет, что «если бы у него была страна, которой он мог управлять, то благодаря своей реальной функции, благодаря обширности своей власти он всегда имел бы первенство перед графом. Для него и тогда было бы важно, хотя и не так необходимо выразить это первенство в общественном обиходе, ибо он находил бы себе реализацию не только таким способом. Но в абсолютистском сословном обществе различным дворянским степеням уже почти не соответствуют никакие потестарные функции. Это, в общем, только титулы, даруемые королем» [1, с. 82]. Таким образом, создание централизованного государства, усиление королевской власти и отстранение аристократии от участия в политике, создало ситуацию, при которой поддержание культа «роскоши» становится единственной возможностью выделиться и продемонстрировать свое статусное положение.

Еще одну причину пристального внимания аристократии именно к роскоши Н. Элиас видит в изменениях характера военного дела. Появление огнестрельного оружия привело к тому, что ни один замок не мог теперь устоять против артиллерии, появление ручного огнестрельного оружия сделало бессмысленным применение лат.

В эпоху Столетней войны (1337 – 1447 гг.) во Франции была заложена основа постоянной армии вооруженной огнестрельным оружием. Во второй половине XV – первой половине XVI вв. боеспособную

часть французской армии составляли ордоннансовые роты, созданные на заключительном этапе Столетней войны Карлом VII (1403 – 1461 гг.). Это была первая во Франции массовая постоянная армия, получавшая регулярное жалование. Со второй половине XVI в. основной военной силой Франции становятся наёмные войска. Это были профессиональные войны, наиболее восприимчивые к достижениям техники и именно с ними широко распространяется во французской армии ручное огнестрельное оружие. Вступление Франции в Тридцатилетнюю войну (1618 – 1648 гг.) привело к необходимости проведения военных реформ и реорганизации армии, в результате которых меняется её социальный состав. Дворянство в армии времен Людовика XIV составляет уже не более 15 – 20 %. Эпоха абсолютной монархии стала временем заката феодального ополчения – бана и постепенной утраты аристократией монополии на военную сферу деятельности. Происходит постепенная трансформация, по мнению Н. Элиаса, рыцаря в галантного придворного [1, с. 191 – 192].

Все это приводит к изменению характера социальных связей, к формированию взаимосвязи и взаимозависимости между королем и аристократией. Монархи эпохи абсолютизма в отличие от средневековых королей раздавали не земли, а деньги и денежные ренты. Н. Элиас пишет «его деньги собирали вокруг себя этих людей», которых объединял и выделял из общества именно образ жизни, направляемый культом «роскоши» [1, с. 193 – 195]. Все это объединяло короля и аристократию в единое целое. Получение придворной должности обеспечивало ее держателю близость к королю, почет и социальное превосходство, за которыми стояло богатство и власть.

Процесс возникновения «придворного общества» шел в понимании Н. Элиаса в течение всего времени эпохи абсолютизма. Говоря о социогенезисе придворного аристократического общества во Франции, Н. Элиас отмечает, что его появление связано с глобальными изменениями в социальной структуре французского общества в XVI – XVIII вв. Родовитому дворянству, в условиях разворачивающегося процесса формирования буржуазных отношений и урбанизации, практически не оставалось выбора: либо влачить жалкое существование провинциального дворянства, либо оставаться на виду, но при этом жить в Париже и быть втянутым в ловушки придворной жизни [1, с. 263 – 264]. Трагедия дворянства заключалась в том, что, по словам Н. Элиаса, «люди, попавшие в водоворот этих великих перемен, не рассматривали свои судьбы как порождение длительного общественного процесса» [1, с. 264].

Немаловажную роль в генезисе «придворного общества» во Франции сыграли профессиональные предпочтения французского дворянства, а именно то,

что во Франции дворянство по традиции всегда было нетрудящимся сословием воинов, а это изначально давало ему преимущество перед королем в период формирования абсолютизма. Королю были нужны верные «рыцари» готовые отдать за него жизнь, например, так называемое «дворянство шпаги».

Согласно Н. Элиасу, во Франции на исходе Средневековья была определена главная линия возникновения придворного общества, которая была порождена процессом смещения центра власти. В ходе растущей централизации и интеграции государства часть земельного дворянства стала формироваться в особую группу при королевском дворе – придворную знать, которая, в свою очередь, постепенно трансформировалась в социальную группу придворно-аристократического дворянства с присущими ему специфическими социокультурными функциями. Н. Элиас пишет по этому поводу: «В ходе этого преобразования взаимозависимостей между людьми более старые общественные конфигурации и группы всякий раз утрачивают свои социальные функции» [1, с. 270].

В случае с придворной знатью, аристократия и король образуют жестко социокультурно интегрированную систему абсолютистского королевского двора, а провинциальное дворянство утрачивало свое общественное, социальное, политическое и культурное значение. Н. Элиас отмечает, что подобные изменения были характерны не только для Франции времен абсолютной монархии, но и для других стран. Но специфика Франции была такова, что именно при французском абсолютизме «формируется самая крупная и многолюдная для своей эпохи придворная единица Европы» [1, с. 297].

Таким образом, в связи с трансформацией государства и общества в XVI – XVIII вв. феномен «придворного общества» стал, с одной стороны, объединяющим фактором для аристократической корпорации, а, с другой стороны, социокультурной возможностью сохранить свою специфику в качестве элитарного сословия. Это обусловило особенность абсолютизма в той же Франции. Но, нельзя не согласиться с Н. Элиасом, что социокультурный статус придворной аристократии и социальный ранг был уже не тождественен ее социальной силе. «Дворянство, – по словам Н. Элиаса, – как мы видели, было в *ancien regime* совершенно определено сословием наивысшего ранга, но это отнюдь не означает, что оно было самым социально могущественным сословием» [1, с. 329]. В противовес формирующемуся рационально-буржуазному этосу социокультурные установки аристократии базировались на постоянном воспроизводстве иррациональной социокультурной, политической и экономической модели поведения. В конечном итоге это обусловило ее исторический крах.

Литература

1. Элиас, Н. Придворное общество: Исследования по социологии короля и придворной аристократии / Н. Элиас. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 368 с.
2. Элиас, Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования / Н. Элиас. – М.; СПб.: Университетская книга, 2001. – 382 с.

3. Андерсон, П. Родословная абсолютистского государства / П. Андерсон. – М.: Территория будущего, 2010. – 512 с.

Информация об авторе:

Терехова Оксана Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории средних веков КемГУ, 8-384-2-58-33-97, terehov1968@mail.ru.

Oksana N. Terekhova – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of Medieval History, Kemerovo State University.